

Речевое воздействие в диалогах судебного заседания
(на примере речей адвоката Перри Мейсона
в романах Э.С. Гарднера)

Валерия М. Грызлина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, leragryzlina@gmail.com*

Людмила Л. Федорова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lfooux@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии речевого воздействия в судебных диалогах как особой форме институционального общения. Анализируется специфика юридического дискурса, в котором речевая деятельность адвоката подчинена как правовым нормам, так и коммуникативным стратегиям убеждения. Особое внимание уделяется перекрестному допросу как жанру диалога, в котором сталкиваются позиции обвинения и защиты. В качестве материала исследования использованы судебные речи адвоката Перри Мейсона, героя романов Э.С. Гарднера, что позволяет выявить закономерности рационального и эмоционального воздействия, а также тактики логического давления, постановки удостоверяющих и наводящих вопросов, апелляции к противоречиям в показаниях. Подробное описание коммуникативной ситуации судебного заседания дает возможность учесть в анализе вербальные и невербальные ее компоненты.

Показано, что судебные диалоги представляют собой многоуровневый полилог, включающий базовый уровень диалога адвоката/прокурора и свидетеля по факту преступления и метауровень, на котором взаимодействуют судья и другие участники заседания, а предметом обсуждения является базовый диалог. Судебные диалоги демонстрируют сложные стратегии аргументации и речевого воздействия в юридической коммуникации. При ограниченности общедоступных корпусных данных судебных заседаний описание в художественном тексте судебного процесса может дать значимую информацию для анализа судебного дискурса.

Ключевые слова: институциональное общение, судебный дискурс, речевое воздействие, адвокатская речь, перекрестный допрос, стратегии аргументации, многоуровневый полилог

Для цитирования: Грызлина В.М., Федорова Л.Л. Речевое воздействие в диалогах судебного заседания (на примере речей адвоката Перри Мейсона в романах Э.С. Гарднера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 12. С. 72–89. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-72-89

Speech impact in judicial dialogues
(based on the lawyer Perry Mason's speeches
in the novels of E.S. Gardner)

Valeria M. Gryzlina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, leragryzlina@gmail.com*

Liudmila L. Fedorova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lfvoux@yandex.ru*

Abstract. The article considers strategies of speech impact in judicial dialogues as a specific form of institutional communication. The analysis focuses on the legal discourse, where the lawyer's speech is subject both to legal norms and to persuasive strategies. Special attention is paid to cross-examination as a dialogue genre in which the positions of prosecution and defense collide. The research is based on the trial speeches of Perry Mason, the fictional lawyer created by E.S. Gardner. The analysis makes it possible to identify patterns of rational and emotional influence, as well as tactics of logical pressure, statements of leading and confirming questions, and appeals to contradictions in testimonies. A detailed description of the communicative situation in a court session allows for the analysis of its verbal and non-verbal components.

It is shown that judicial dialogues represent a multi-level polylogue, including the basic level of dialogue between a lawyer/prosecutor and a witness on the fact of a crime and a meta-level at which the judge and other participants in the meeting (including jury and audience) are involved, and the subject of discussion is the basic dialogue. Judicial dialogues demonstrate complex strategies of argumentation and speech influence in legal communication. Given the limited public availability of courtroom data, descriptions of court proceedings in fiction can provide valuable insights for analyzing judicial discourse.

Keywords: institutional communication, judicial discourse, speech impact, lawyer's speech, cross-examination, argumentation strategies, multi-level polylogue

For citation: Gryzlina, V.M. and Fedorova, L.L. (2025), "Speech impact in judicial dialogues (based on the lawyer Perry Mason's speeches in the novels of E.S. Gardner)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 72–89, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-72-89

Исследование стратегий речевого воздействия в диалогах является одним из важных направлений грамматики диалога, или диалогической лингвистики. Исходная ее предпосылка состоит в том, что речевое воздействие осуществляется в любом обращении к собеседнику, поскольку сам характер речевого действия, высказывания, предполагает, по М.М. Бахтину, направленность на ответ, в терминах Г.Е. Крейдлина и А.Н. Баранова [Баранов, Крейдлин 1992] – содержит «иллокутивное вынуждение» к реакции.

В представлении акта речевого взаимодействия, или интеракции, являющейся элементарной единицей диалога и соответствующей однократному обмену репликами между собеседниками, речевое действие (акция или реакция) обычно включает три основные составляющие: воздействие на собеседника – адресата речи, сообщение о предмете речи и самовыражение – то, как говорящий проявляет себя в речи (шутит или удивляется, радуется или возмущается); т. е. высказывание говорится *кому, о чем и как*.

Каждая составляющая может акцентироваться в высказывании или в разной мере нейтрализоваться. Так, в фатическом общении, направленном на поддержание контакта, может нейтрализоваться содержательная, информативная составляющая; это, например, обмен приветствиями или даже «разговор ни о чем». Самовыражение явно присутствует в экспрессивной речи, но не всегда общение предполагает вербальное проявление эмоций или определенных способов речевого поведения. Но речевое воздействие присутствует всегда, оно является мотивом и пресуппозицией общения как такового и требует ответа. Даже в ответной реплике-реакции тоже содержится определенный заряд – в оказании влияния на собеседника: сообщением требуемой информации или проявлением неосведомленности, согласием или возражением, выражением подчинения или протеста. Неспроста уход от общения, безответность создают психологическое напряжение, воспринимаются как нарушение порядка коммуникативного поведения и могут привести к разрыву контакта. Ведь общение и предполагает создание общего текста, диалога, за которым стоят стратегии его участников, осуществляющих в диалоге свои цели.

Стратегии речевого воздействия формируются на основе разных факторов, прежде всего целей участников и их позиций в

ситуации общения. Можно говорить о различии формального и неформального общения, предписываемом ситуацией, в которой задано соотношение социальных позиций участников. Это соотношение в координатах «Выше–Ниже» и «Свой–Чужой» определяет социально-коммуникативную дистанцию между собеседниками и способ взаимодействия: иерархический (ориентированный на соотношение социальных позиций) или нейтральный.

Если формальное общение регламентировано социальными нормами (в том числе и формально-нейтральное между «чужими»), то неформальное общение (между «своими») более свободно и допускает солидарные и несолитарные стратегии, хотя в солидарном общении также различаются иерархическая (например, в семье) и нейтральная разновидности. Солидарное общение подчинено психологическим и этическим условиям, но в несолитарном общении, в ситуациях конфликта, любые ограничения могут сниматься – вплоть до антиэтикетного поведения, речевой агрессии. Более подробно понятия социально-коммуникативной дистанции и стратегий взаимодействия рассмотрены в [Федорова 2003; Федорова 2012].

В социолингвистическом аспекте речевое поведение участников общения в соответствии с ролевыми ожиданиями и жанрами речи рассматривает также Л.П. Крысин [Крысин 2015].

Близкий подход в области исследования дискурса развивает В.И. Карасик; он использует противопоставление институционального и личностно-ориентированного общения, порождающего разные типы дискурса. Институциональное общение происходит в рамках социально-ролевых отношений: «Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках» [Карасик 2000, с. 14].

В грамматике диалога речевое взаимодействие рассматривается в модели ситуации общения, основными компонентами которой являются: 1) его участники, выступающие со своими целями в определенных позициях (социальных, психологических, коммуникативных) и обменивающиеся речевыми действиями; 2) предмет речи и 3) контакт, обеспечивающий взаимодействие. Цель общения задает его инициатор. Основные стратегии воздействия, которые используются в формально-иерархическом общении, – это управление, поиск содействия со стороны вышестоящего инициатора общения и подчинение, содействие, противодействие со стороны отвечающего; в общении между «равными» – содействие или состязательность. Основные стратегии неформального солидарного общения – содействие, поиск содействия, соперничество и состязательность. Эти стратегии реализуются в тактиках волеизъявления,

рационального воздействия и оценки. Номинальное воздействие осуществляется и в фатическом общении. Важную роль играют эмоционально-оценочные тактики, используемые обычно в солидарном и несолитарном общении (похвала, оскорбление, брань), которые обладают, очевидно, наибольшей силой воздействия [Федорова 2005].

Таким образом, речевое воздействие заложено в любом высказывании; оно может реализоваться в прямых или косвенных формах, смягчающих воздействие (например, вопрос в качестве просьбы: *Не могли бы вы ...?*; мнение в качестве совета: *Я бы не стал связываться...*), или также в скрытых формах, которые обычно рассматривают как манипуляции. Тактики манипуляции часто предполагают введение в заблуждение, обман, но скрытые воздействия могут осуществляться и с целью прояснения истины, стимулирования понимания, наведения на правильный вывод. Именно такие стратегии рационального воздействия оказываются задействованными в судебных диалогах.

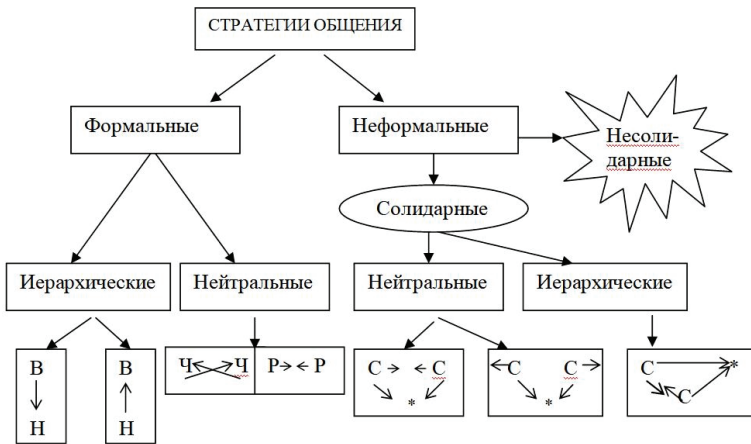

Рис. 1. Формальные и неформальные стратегии общения [Федорова 2012]

(На схеме представлены основные стратегии: с позиции В (высшего) – управление или поиск содействия, с позиции Н (нижнего) – подчинение или содействие, между «чужими» (Ч) – нейтральные стратегии фатического общения с учетом этических норм симметричного признания статуса «чужого», требующего

уважения¹; между «равными» (Р), а также между «своими» (С) – сотрудничества или соперничества (стратегии, направленные на встречу другу другу при содействии в решении проблемы (*) или разнонаправленные в ситуации состязательности); иерархическое общение между «своими» в стратегии поиска содействия и оказания содействия подразумевает различие позиций по признаку «Выше–Ниже».)

Судебные диалоги являются реализацией юридического дискурса, по В.И. Карасику, формой институционального общения, подчиненного главной цели – разрешению правовых конфликтов в соответствии с законом и с опорой на ценности и установки, принятые в обществе, – право, справедливость и истину [Карасик 2000].

В юридической риторике рассматриваются правила, предписывающие нормы речевого поведения судей, прокуроров и адвокатов в судебном заседании, которые должны обеспечить беспристрастное ведение дел². Строго регламентированы правила допроса свидетелей, при которых взаимодействие участников сводится к схеме «вопрос – ответ», при этом запрещается оскорблять, запугивать свидетеля, спрашивать о недопустимых вещах (например, о вещах личного характера или о мнении свидетеля). Тем самым очерчиваются нормативные рамки речевого поведения в юридической коммуникации. В реальных процессах общение не сводится только к соблюдению юридических предписаний, но развивается в борьбе воли и мнений противодействующих сторон. Для его анализа важно учитывать не только тексты выступлений сторон, но и речевое и невербальное поведение всех участников процесса.

В отечественной лингвистике в последние десятилетия сложилось особое направление «на стыке языка и права» – «юридическая лингвистика», или «юрислингвистика» (см. выпуски журнала «Юрислингвистика» под редакцией Н.Д. Голева, также программные работы [Голев 1999; Голев, Ланшакова 2023]), хотя еще в 60-е годы XX в. именно юридические тексты дали импульс созданию теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля и линг-

¹ Прототипические роли «чужого» – гость и враг; гость и хозяин взаимно общаются снизу вверх, выказывая уважение друг к другу; статус врага обычно вовсе не предполагает общения либо допускает его в строго ограниченных формальных рамках (например, при переговорах) на основе признания его статуса.

² См., например: Александров А.С., Гришин С.П., Конева С.И. Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности, принципов и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению). 3-е изд. М.: Юрлитинформ, 2014. 578 с. См. также [Осодоева 2014].

вистической прагматики. Тем не менее в отечественной традиции комплексные исследования устного юридического дискурса и, в частности, стратегий речевого воздействия в контексте судебного заседания изучены недостаточно. Записи судебных заседаний как часть корпусов устной речи проводятся в рамках исследований устной речи, однако отмечается нехватка общедоступных корпусных данных [Дубровская 2010; Блинова, Зайцева 2024]. В этой связи описание в художественном тексте судебного процесса может дать значимую информацию для анализа, особенно если моделирование осуществляется автором, имеющим опыт судебной практики.

Судебное заседание представляет собой специфическую форму институционального общения, в которой речевая деятельность участников – особенно адвокатов – подчинена не только правовым нормам, но и коммуникативной стратегии убеждения, воплощающей стратегию управления на рациональном уровне воздействия. В условиях ограниченного жанра адвокат стремится не только представить факты, но и повлиять на восприятие этих фактов судьей, свидетелями, присяжными. Одним из ярких примеров речевого мастерства в судебной сфере являются выступления адвоката Перри Мейсона – героя серии детективных романов Эрла Стэнли Гарднера. В них диалоги в зале суда хоть и являются художественным вымыслом, но воспроизводят реальные механизмы юридической аргументации и речевого воздействия. Это делает его произведения ценным материалом для лингвистического и прагматического анализа профессиональной коммуникации в судебном дискурсе.

Перри Мейсон – литературный персонаж, воплощающий профессиональные идеалы защитника: ум, логичность, решительность, психологическую чуткость, умение убеждать. Анализ его речи в диалогах судебных заседаний позволяет выявить стратегии речевого воздействия, эффективно реализуемые в юридическом диалоге, и проследить особенности речевого воздействия в специфических условиях судебной коммуникации.

Судебное заседание – это особая ситуация общения, в которой участвуют судья, регламентирующий ход заседания и управляющий поведением сторон, прокурор, представляющий сторону обвинения, адвокат, выступающий со стороны защиты, присяжные заседатели, ответственные за принятие решения, обвиняемый (подсудимый), потерпевший (истец), свидетели, публика в зале заседаний. Одни персонажи осуществляют непосредственное речевое взаимодействие, другие являются молчаливыми арбитрами (присяжные), третьи – лишь наблюдателями, лишёнными права голоса, однако их присутствие и возможные невербальные реакции

могут влиять на ход процесса. При этом все участники заседания оказываются адресатами речевого воздействия.

Одним из наиболее показательных жанров диалога в судебном заседании является перекрестный допрос. Перекрестный допрос – это «допрос одного лица по одному и тому же обстоятельству дела, проводимый сторонами и судом» [Осодоева 2014, с. 6], он проводится после первоначального прямого допроса свидетеля с целью подтверждения, уточнения, опровержения полученных ранее показаний, причем участвуют в нем поочередно прокурор (сторона обвинения) и адвокат (сторона защиты). «При ведении перекрестного допроса прокурор или адвокат стремятся дискредитировать результаты прямого допроса <...> свидетеля. Они стараются подвергнуть сомнению его добропорядочность; вызвать сомнение в реальности существования обстоятельств, дающих свидетелю возможность правильно воспринимать какие-то обстоятельства; показать, что прошедшее время и сопутствующие этому обстоятельства исказили память свидетеля о фактах, и потому его показания носят преувеличенный характер» [Осодоева 2014, с. 6].

Такие установки осуществляются в рамках вопросо-ответной схемы рационального дискурса, существенно ограничивающей возможности повлиять на мнение участников заседания, но в них происходит не только выяснение фактов, но и борьба мнений, состязание между обвинением и защитой, что и составляет движущую пружину диалога. При перекрестном допросе допрашивающий иногда может задавать наводящие вопросы, то есть такие, где уже предполагается ответ, если необходимо напомнить свидетелю известные ему факты (хотя по общему правилу они не допускаются, поскольку могут внушать ответ); допрашивающий может ставить под сомнение достоверность показаний и заявлений свидетеля; использовать доказательства для уличения (документы, видеозаписи или другие улики); контролировать направление диалога, чтобы вынудить свидетеля признать нужные факты или запутаться.

Перекрестный допрос направлен не столько на получение новых сведений, сколько на переосмысление или дискредитацию уже данных показаний. Адвокат в ходе перекрестного допроса активно использует такие тактики речевого воздействия, как удостоверяющие вопросы, постановка наводящих вопросов (в определенных случаях), логическое давление, апелляция к противоречиям в показаниях, демонстрация несоответствий, психологическое давление. При этом он должен учитывать правовые ограничения и этические нормы, регулирующие судебную коммуникацию.

Конфигурация участников перекрестного допроса может быть описана как особый случай коллективного взаимодействия – уров-

невый полилог³, осуществляемый в рамках формального общения и включающий несколько направлений и слоев взаимодействия, которые могут быть выделены как отдельные партии процесса: открытые и прямые – между прокурором и свидетелем, между адвокатом и свидетелем, между судьей и каждым из участников, открытые и косвенные – между прокурором и адвокатом, скрытые – между каждым говорящим и присяжными, между каждым говорящим и публикой.

В диалогах между прокурором и свидетелем, между адвокатом и свидетелем (базовый уровень взаимодействия) открыто осуществляются рациональные стратегии выяснения фактов, но и предполагаются скрытые стратегии воздействия – убеждения и эмоциональной оценки, направленные не только на свидетеля. По сути, это борьба мнений между прокурором и адвокатом, в которой реализуются стратегии состязательности: оба имеют общую цель – восстановление справедливости, истины, они действуют на равных, но их ходы направлены друг против друга. Они не могут вступать в прямой диалог, обсуждая правомерность вопросов к свидетелю, поскольку должны обращаться к суду как к коллективному адресату; тем самым их взаимодействие опосредовано и включено в более широкие рамки метакоммуникации, т. е. коммуникации более высокого уровня, в которой решающий голос принадлежит судье, осуществляющему управление заседанием. Он обладает правом разрешить или запретить конкретные действия прокурора или адвоката как не относящиеся к делу или затрагивающие личную сферу свидетеля, выясняющие его мнение, принять или отклонить возражения одной из сторон, руководствуясь толкованием спорных терминов в соответствии с законом и в интересах правосудия; его стратегии регулирования осуществляются в волеизъявлениях: указаниях, призывах, запретах, разрешениях, перформативных заявлениях (о роли судьи см. [Дубровская 2010]).

Следующий уровень взаимодействия – между всеми выступающими участниками заседания и присяжными, которые не имеют во время допроса права голоса, но должны ориентироваться на рациональное речевое воздействие всех выступающих и его беспристрастную оценку. Именно их вердикт, складывающийся из решений каждого, подтверждает победу или поражение одной сторон взаимодействия: адвоката или прокурора, а в конечном счете – признание вины или невинности подсудимого.

³ Мы используем термин «полилог» в значении многостороннего взаимодействия, т. е. диалога, в котором принимают активное участие более двух коммуникантов (см. [Диалогическая лингвистика 2019, с. 153–169]).

«Перед присяжными надо разыграть спектакль: вы должны рассказать историю, которая бы понравилась им, вам, и убедить их в том, что правда и добро на вашей стороне, представить противника и его историю как малоубедительные и такие, что не вызывают симпатии и доверия»⁴.

Наконец, еще один уровень взаимодействия – между всеми выступающими и публикой, подверженной рациональному и эмоциональному воздействию речей участников заседания и отдающей свои симпатии одной из сторон («вердикт толпы – решение, показываемое в древние времена опусканием большого пальца вниз»; Гарднер 2020, с. 217). В наше время публике принадлежит роль безмолвного наблюдателя, для нее, как и для присяжных, судебное заседание является своего рода драматическим представлением. Публика включает и журналистов, которые формируют общественное мнение через прессу.

Все эти уровни взаимодействия и составляют в целом уровневый полилог, ограниченный темой, временем и местом судебного заседания. При этом мы оставляем в стороне эффект художественного воздействия, производимый автором на читателей. Но авторский взгляд позволяет охватить все направления воздействия и оценить их эффекты в речевых и неречевых реакциях адресатов.

* * *

Как отмечают авторы монографии о перекрестном допросе, «искусство перекрестного допроса можно определить как умение задавать такие вопросы на суде, которые разрушают факты, на которых противник выстраивает свою аргументацию»⁵.

Рассмотрим для примера один из эпизодов перекрестного допроса из романа «Дело о мрачной девушке» в переводе М.В. Жуковой. Это дело об убийстве Эдварда Нортон, крупного бизнесмена; в качестве обвиняемой оказывается его племянница. Заседание ведет судья Маркхэм. Речь идет о проведении следственного эксперимента, организованного прокурором Клодом Драммом для проверки того, мог ли свидетель на значительном расстоянии от дома видеть через заднее стекло движущейся машины сцену убийства, совершаемого в освещенной комнате. Адвокат Мейсон подвергает сомнению результат эксперимента, обращаясь к свидетелю Дону Грейвсу.

⁴ Александров А.С., Гришин С.П., Конева С.И. Указ. соч. Гл. 2.1.

⁵ Там же.

- В том случае вы ехали на машине судьи Пурлея?
- Да, сэр.
- Но эксперименты проводились в другой машине, а не в машине судьи Пурлея?
- В другой.
- В таком случае эксперименты проводились не в тех же условиях – то есть не в той машине, а следовательно заднее стекло было другим?
- Но они идентичны! – воскликнул Дон Грейвс.
- Мейсон с укором посмотрел на свидетеля.
- Эксперименты проводились *не* в тех же условиях? – повторил он.
- Нет, сэр.
- А вы *осмелитесь* провести эксперимент в тех же условиях?
- Я возражаю на основании того, что это спорный вопрос! – рявкнул Клод Драм.
- Я считаю, что его, конечно, можно назвать спорным, но в данном случае, как мне кажется, вопрос показывает заинтересованность или пристрастность свидетеля. Вопрос был в том, *осмелится* ли свидетель провести эксперимент в тех же условиях, – заявил судья Маркхэм.
- <...> – Я разрешаю его. Ответьте, мистер Грейвс.
- Отвечайте на вопрос, – повернулся Мейсон к свидетелю.
- Да, я готов участвовать в подобном эксперименте.
- Если судья Пурлей предоставит свою машину, вы будете участвовать в эксперименте?
- Клод Драм вскочил на ноги:
- Теперь задан уже другой вопрос, ваша честь. Сейчас адвокат защиты спрашивает, не *осмелится* ли он, а *будет* ли участвовать в эксперименте.
- Если вы протестуете, я принимаю ваше возражение, – постановил судья Маркхэм.
- Мейсон повернулся к присяжным: – В таком случае у меня больше нет вопросов.
- Больше нет вопросов? – переспросил Клод Драм.
- Нет. Факт говорит сам за себя, – ответил Мейсон. – Вы боитесь провести эксперимент в тех же условиях.
- Судья Маркхэм постучал молоточком по столу.
- Господин адвокат, я просил бы вас не переходить на личности и обращаться к суду, а не к противной стороне, – заметил судья Маркхэм.
- Простите, ваша честь... (Гарднер 2020, с. 188–189)

В этом фрагменте можно выделить линии взаимодействия: адвокат – свидетель, прокурор – судья, судья – свидетель, прокурор – адвокат, адвокат – присяжные, судья – адвокат.

Адвокат по отношению к свидетелю осуществляет воздействие информативного типа: выяснение деталей проведенного эксперимента в форме вопросов и рационального умозаключения и далее использует спорную тактику – вопросы о мнении свидетеля и о его намерениях. Это вызывает протест прокурора, с которым он обращается к судье. Судья в первый раз допускает правомерность вопроса адвоката в интересах правосудия, но во второй раз отклоняет его вопрос к свидетелю. И здесь в ловушку попадает прокурор, обнаруживший свои опасения в отношении повторного эксперимента. В итоге адвокат одерживает верх в поединке с прокурором. Адвокат делает вывод, обращаясь к прокурору и к присяжным. Рациональный ход рассуждений должен привести присяжных к сомнениям в достоверности показаний свидетеля, что и было целью адвоката.

В сложной конфигурации взаимодействий в этом диалоге можно выделить основную линию допроса «Мейсон – свидетель» (базовый уровень) и накладывающую сверху схему обсуждения правомерности допроса: «прокурор – судья – адвокат», которая выступает как метауровень коммуникации, т. е. предметом обсуждения здесь является сама ситуация допроса. Такая структура уровневого полилога создает метатекст в ткани всего диалога. Заметим, что элементы метатекста, т. е. соотношенные с компонентами ситуации общения (допроса), присутствуют и в тексте основной линии диалога (обращения «сэр», реплика Мейсона: «Отвечайте на вопрос»), однако метауровень обсуждения выстраивает и свой полнозначный текст.

Другой пример из того же романа показывает, как Мейсон разоблачает настоящего виновного, используя в рамках рационального воздействия приемы логического и психологического давления на свидетеля. Участники судебного заседания те же, в качестве свидетеля вызван деловой партнер убитого Артур Кринстон, которого допрашивает адвокат. Поскольку это перекрестный допрос, Мейсон ставит вначале вопросы с целью уточнения деталей, по которым свидетель уже давал показания. Они имеют вид констатации факта, напоминания и завершаются удостоверительной формулой «не так ли?», чтобы перевести их в вопросы, требующие подтверждения или отрицания. В английском оригинале здесь используются формы так называемых tag-questions (*didn't you? did you not?*), присоединяющихся к утверждениям, такие формулы практически не дают возможности возражения. Эти вопросы не столько направлены на получение новой информации, сколько служат инструментом воздействия, поначалу номинального.

(1) Если не ошибаюсь, вы прибыли к мистеру Нортону в семь минут двенадцатого и уехали примерно в одиннадцать тридцать, *не так ли?*⁶ <...>

(2) – А с семи минут двенадцатого до половины двенадцатого вы разговаривали с мистером Нортон, *не так ли?* – Все правильно. Да, сэр.

Удостоверительная формула в конце утверждений снижает уровень конфликта, влияет на восприятие информации как уже проверенной и истинной. На такие вопросы, как правило, следует подтверждение. Свидетелю легко признать эти факты.

Далее более развернутая удостоверительная формула «А не является ли фактом» (в оригинале *isn't it a fact that*) предшествует обличительным предположениям, которые свидетель отказывается признать.

(3) – *А не является ли фактом*, мистер Кринстон, что задолженность в размере девятисот тысяч долларов перед «Вилерс траст энд сейвингс банк» по долговой расписке, на которой стоит только ваша подпись, – это деньги, которые вы заняли без ведома мистера Нортон и использовали не в интересах фирмы, а для ваших личных спекуляций на рынке ценных бумаг? – Нет, сэр! – *рывкнул* Артур Кринстон. – Это не так.

(4) – *А не является ли фактом то*, что в день своей смерти мистер Нортон получил по почте подобное уведомление? – Я не могу ответить на этот вопрос.

(5) – *А не является ли фактом то*, что мистер Нортон пригласил вас к себе в тот вечер, чтобы сказать вам, что он предоставил вам определенное время для погашения задолженности фирме, а поскольку у вас нет возможности возместить убытки, мистер Нортон собирался сообщить об этом в полицию? – Конечно нет, – *чуть не закричал он*.

(6) – *А не является ли фактом то*, – *настаивал Мейсон невозмутимым и хладнокровным тоном*, – что, когда вы заявили Нортону, что не смогли возместить убытки, он поднял телефонную трубку, позвонил в полицейский участок и сказал: «Говорит Эдвард Нортон. Я хочу сообщить об имевшем место преступлении» – или что-то в этом роде? – Нет, сэр, – *резко ответил* Артур Кринстон. *Впервые в его голосе послышалось напряжение*.

(7) – *А не является ли фактом то*, – *продолжал Мейсон, медленно поднимаясь во весь рост*, – что после того, как мистер Нортон сделал

⁶ Здесь и далее в тексте источника курсив наш. – *Авт.*

подобное заявление полиции, вы разбили ему череп тростью? – Я не делал ничего подобного! – *заорал тот.*

(8) – *А не является ли фактом то*, что вы прекрасно понимали, что вам как-то придется объяснять этот звонок в полицию? <...> Вы сразу же снова набрали полицейский участок и сказали дежурному, что вы – мистер Нортон, вы только что звонили и вас разъединили. Вы заявили о краже автомашины <...> – Нет, сэр, – *механически ответил* Артур Кринстон.

(9) – *А не является ли фактом то*, что затем открылась дверь в кабинет и вошел Дон Грейвс? Он был вашим сообщником в присвоении незаконным путем девятисот с лишним тысяч долларов <...> Вы использовали деньги фирмы в личных целях. Вы вместе с Доном Грейвсом придумали план, как свалить убийство мистера Нортон на других, не так ли? – Нет, сэр, – все так же *механически отрицал* Кринстон (Гарднер 2020, с. 223–226).

Повторяющаяся развернутая удостоверительная формула с каждым разом усиливает давление, эмоциональное воздействие, напряжение нарастает и приводит к тому, что свидетелю трудно сопротивляться, он уходит от ответа, далее он пытается отрицать факты чисто механически. Его невербальное поведение выдает отчаянное сопротивление, панику и в конце концов осознание поражения, несмотря на слова отрицания. Восстановив картину преступления и показав его мотивы, адвокат сумел переломить мнение публики, уже было склонившейся к обвинению племянницы, хотя не признанные Кринстоном факты еще предстояло доказать.

Под формой вопросов, выстраивающих логическую аргументацию, Мейсон проводит стратегию обличения, наращивая рациональное и эмоциональное воздействие. Этому способствуют его тон и жесты, переданные автором: «*настаивал Мейсон невозмутимым и хладнокровным тоном*» (6); «*продолжал Мейсон, медленно поднимаясь во весь рост*» (7).

Хладнокровный и невозмутимый тон создает атмосферу контроля и уверенности со стороны адвоката. Он заставляет свидетеля чувствовать себя неуверенно, особенно если тот скрывает правду, а у присяжных укрепляется ощущение, что адвокат уверен в своей правоте и логике своих доводов. Жесты адвоката добавляют драматизма. Это усиление невербальной доминантности – Мейсон «вырастает» в глазах слушателей, тем самым оказывая давление на свидетеля и усиливая впечатление у присяжных и публики. Воздействие Мейсона на свидетеля производится и прямым взглядом.

(10) Мейсон стоял, *неотрывно глядя* на Кринстона. В конце концов зрители осознали всю значимость вопроса и все, что тот подразумевал. Все подались вперед. В зале воцарилась мертвая тишина (Гарднер 2020, с. 225).

Таким образом, если содержание вопросов показывает рационально обоснованное воздействие информационного типа, то способ его осуществления, невербальное самовыражение Мейсона производит эмоциональное воздействие, что позволяет Мейсону добиться цели обличения преступников, убеждения публики и оправдания невиновных.

Авторское описание процесса перекрестного допроса показывает всех участников заседания, их акции и реакции, что дает достаточно полную картину стратегий воздействия во всех его формах – рационального доказательства и убеждения, эмоционального и психологического давления и сопротивления, волеизъявительной регламентации действий в принятых в юридической практике формулах.

Таким образом, анализ жанра перекрестного допроса в судебном заседании на основе художественного представления помогает обратить внимание на особый тип коллективного диалога (полилога) – уровневый, включающий основной диалог и метакоммуникацию, предметом которой он выступает. Основной диалог ограничен формами рационального воздействия, регламентированными на метауровне, однако учет приемов эмоционального воздействия, прямого и скрытого воздействия, речевого и неречевого поведения участников, в том числе и не имеющих права голоса, расширяет сферу анализа судебной коммуникации. Тем самым подобный анализ может дать дополнительную информацию для исследования юридического дискурса в лингвистическом и прагматическом аспекте.

Источники

Гарднер 2020 – *Гарднер Э.С.* Перри Мейсон: Дело о мрачной девушке; Дело о воющей собаке / пер. с англ. В.А. Вебера, М.В. Жуковой. М.: АСТ, 2020. 384 с. (*Gardner E.S. The case of the howling dog. Chicago: American Bar Association, 2015. 299 p.*)

Литература

Баранов, Крейдлин 1992 – *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.

- Блинова, Зайцева 2024 – Блинова О.В., Зайцева О.Е. Русский устный судебный дискурс: корпусные данные и описание взаимодействия в зале суда // Язык – музыка – жест: Информационные перекрестки (LMGIC – 2024): Материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 18–20 апреля 2024 г.) / под ред. П.М. Эйсмонт, Т.Е. Алексеевой-Ниловой. СПб.: Скифия-принт, 2024. С. 15–16.
- Голев 1999 – Голев Н.Д. От редактора: на стыке языка и права // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: сб. научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. С. 4–11.
- Голев, Лоншакова 2023 – Голев Н.Д., Лоншакова К.А. Юрислингвистика как вузовская учебная дисциплина (на материале учебников и магистерских программ в вузах Российской Федерации): Аспектуализированный обзор // Юрислингвистика. 2023. № 29. С. 86–97.
- Диалогическая лингвистика 2019 – Диалогическая лингвистика / Т.Д. Богачанова, Л.Г. Викулова, Г.Р. Власян и др. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 319 с.
- Дубровская 2010 – Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 39 с.
- Карасик 2000 – Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. научных трудов / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
- Крысин 2015 – Крысин Л.П. Попытка социально-ролевой типологии речевых жанров // Коммуникативные исследования. 2015. № 1 (3). С. 49–54.
- Осодоева 2014 – Осодоева Н.В. О перекрестном допросе в российском уголовном процессе // Юрислингвистика. 2014. № 3 (14). С. 5–9.
- Федорова 2003 – Федорова Л.Л. Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7. № 2. С. 21–40.
- Федорова 2005 – Федорова Л.Л. Грамматика диалога: основные категории // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог – 2005» (Звенигород, 1–7 июня 2005 г.) / Ин-т проблем информатики РАН. М.: РГТУ, 2005. С. 482–486.
- Федорова 2012 – Федорова Л.Л. Формальное и неформальное общение: структура и границы // Русский язык сегодня: X Шмелевские чтения (Москва, 24–26 февраля 2012 г.): Сб. докладов. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. С. 395–405.

References

- Baranov, A.N. and Kreidlin, G.E. (1992), “Illocutionary coercion in the structure of dialogue”, *Voprosy yazykoznaviya*, no. 2, pp. 84–99.
- Blinova, O.V. and Zaitseva, O.E. (2024), “Russian oral courtroom discourse. Corpus data and description of interaction in the courtroom”, in Eismont, P.M. and Alekseeva-Nilova, T.E., eds., *Yazyk – muzyka – zhest: Informatsionnye perekrestki (LMGIC – 2024)*.

- 2024): *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 18–20 aprelya 2024 g.)* [Language – Music – Gesture: Information crossroads (LMGIC – 2024). Proceedings of the International Conference (St. Petersburg, 18–20 Apr., 2024)], Skifiya-print, Saint Petersburg, Russia, pp. 15–16.
- Bogachanova, T.D., Vikulova, L.G., Vlasyan, G.R et al. (2019), *Dialogicheskaya lingvistika* [Dialogue linguistics], AltGPU, Barnaul, Russia.
- Dubrovskaya, T.V. (2010), *Sudebnyi diskurs: rechevoe povedenie sud'i* [Courtroom discourse: speech behavior of the judge], Abstract of D. Sc. dissertation, Saratov, Russia.
- Fedorova, L.L. (2003), “Mechanisms of distance change in speech interaction”, *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*, vol. 7, no. 2. pp. 21–40.
- Fedorova, L.L. (2005), “Grammar of dialogue. Basic categories”, in *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii “Dialog – 2005” (Zvenigorod, 1–7 iyunya 2005 g.)* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue – 2005” (Zvenigorod, 1–7 June 2005)], RGGU, Moscow, Russia, pp. 482–486.
- Fedorova, L.L. (2012), “Formal and informal communication. Structure and boundaries”, in *Russkii yazyk segodnya: X Shmelevskie chteniya (Moskva, 24–26 fevraliya 2012 g.): Sbornik dokladov* [Russian language today. Proceedings of the 10th Shmelev Conference], Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Moscow, Russia, pp. 395–405.
- Golev, N.D. (1999), “Editor’s note. At the intersection of language and law”, in Golev, N.D., ed., *Yurilingvistika-1: problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov* [Legal linguistics-1. Problems and prospects. Collected papers], Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, Barnaul, Russia, pp. 4–11.
- Golev, N.D. and Lonshakova, K.A. (2023), “Legal linguistics as a university discipline (based on textbooks and MA programs in Russian universities). An aspectual review”, *Legal Linguistics*, no. 29, pp. 86–97.
- Karasik, V.I. (2000), “On types of discourse”, in Karasik, V.I. and Slyshkin, G.G., eds., *Yazykovaya lichnost': institucional'nyi i personal'nyi diskurs: sbornik nauchnykh trudov* [Linguistic personality. Institutional and personal discourse. Collected papers], Peremena, Volgograd, Russia, pp. 5–20.
- Krysin, L.P. (2015), “An attempt at a socio-role typology of speech genres”, *Kommunikativnye issledovaniya*, vol. 3, no. 1 (3), pp. 49–54.
- Osodoeva, N.V. (2014), “On cross-examination in Russian criminal process”, in *Legal Linguistics*, vol. 14, no. 3, pp. 5–9.

Информация об авторах

Валерия М. Грызлина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; leragryzлина@gmail.com

Людмила Л. Федорова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; lfvoux@yandex.ru

Information about the authors

Valeria M. Gryzlina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; leragryzlina@gmail.com

Liudmila L. Fedorova, Cand. of Sci. (Philology), associated professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lfvoux@yandex.ru